

Слово о Кузьмиче

МОЕ ЗНАКОМСТВО С ВЛАДИМИРОМ КУЗЬМИЧЕМ КОСАРЕЦКИМ произошло заочно. Еще работая в Михайловке, я прочел в московском журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент» подборку его стихов. И очень

подкупила интонация автора, сердцем чувствующего русскую природу! А лично мы познакомились, когда я приехал в павловскую «Новую жизнь» и стал ее редактором. Очень удивился, что человек с таким лирическим душевным настроем работает в сельхоз-отделе редакции, освещая жизнь села и его проблемы.

Тринадцать лет продолжалась наша совместная работа. И не было в редакции человека, который мог о нем сказать что-то плохое. Владимир Кузьмич пользовался авторитетом среди коллег. И не только в Павловске, а во всем крае. Его отличал профессиональный подход, глубокое знание проблем сельского хозяйства, знание людей. Мне часто казалось, что Косарецкий знал в лицо и был знаком не только с каждым директором совхоза или председателем колхоза, с каждым агрономом, инженером и зоотехником, но и с каждым механизатором, дояркой и скотником в любом из хозяйств Павловского района. И я часто убеждался в этом, бывая вместе с ним в командировках. Кузьмича в павловских хозяйствах знали и уважали. Уважали за то, что он всегда писал правду, какой бы она ни была!

И в годы, когда тираж «Новой жизни» превышал восемь тысяч экземпляров, жители района ждали не только каких-то сенсационных публикаций молодых журналистов районки (а поверьте на слово, такие публикации в те годы были!), но и взвешенных и деловых материалов Кузьмича. Неслучайно тогда наша газета входила в тройку лучших городских и районных газет края. И мои коллеги - редакторы районных газет - не раз высказывали мне свое мнение: мол, хорошо тебе руководить газетой, когда в ней работают такие асы, как Владимир Кузьмич Косарецкий. И я благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим замечательным человеком - надежным и добрым, с открытой душой, настоя-

щим поэтом и настоящим журналистом. В профессиональном плане я от него многому научился и благодарен ему за это! Я и сегодня слежу за его творчеством. Он написал несколько книг о трудовых коллективах района, издал несколько поэтических сборников. И это замечательно! Он молод душой, несмотря на многолетний юбилей. И его творчество - этому красноречивое доказательство. С юбилеем тебя, дорогой Владимир Кузьмич! Так держать!

Владимир ПОЛУНИН,
бывший редактор газеты «Новая жизнь» Павловского района

ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, МОЙ ДОРОГОЙ, УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР КУЗЬМИЧ!

Сегодня пришел на работу пораньше. В кабинете у меня есть две книжные полки с минимально необходимым набором: Книги памяти, Шукшин, фотоальбом «Алтай» и твоя «Большая Россия». Первая, подаренная тобой 28.03.2001 года, книга стихов. Это был мой первый рабочий день редактором «Новой жизни» и первое с тобой знакомство. Помнишь, тогда мы еще были на «Вы». Открыл, начал перечитывать. Дочитал до «Матери». И закурил. Пачка сигарет опустела на «Встрече»...

Вспоминаю первые совместные командировки по району. Потом выезды на охоту.

Помнишь, как «срезали» русаков на необработанном пшеничном поле под Советским, как крыкашей на фунтовских прудах «осаживали»? Да, было время...

А потом ты уже перестал доставать свою штучную двустволку. Годы. И места встречи переместились в больничные палаты: сначала я к тебе, потом и ты ко мне. Пытаюсь сейчас прикинуть, сколько мы не виделись... Давно. Работа - будь она неладна.

С юбилеем тебя, Владимир Кузьмич! Здоровья, поддержки и понимания родных и близких. Пиши, обязательно пиши стихи!

С уважением, Александр ЗАЙЦЕВ,
директор Издательского дома «Регион», 25.01.2012 г., г. Барнаул

Творчество поэта Косарецкого

МОЙ ПАВЛОВСК

В чудном блеске замер бор окрестный -
В лапах сосен - микрзеркала.
ЛЭП роняет иней легковесный.
До чего ж ты, зимушка, мила!
Провода натянуты, как вожжи,
Крут мороз, поди уйми его...
Павловск мой, что может быть дороже
Зимнего убранства твоего!
Тут и там, покуда видит око -
Над домами трубные дымки,
И летит сорока-белобока
Между них куда-то напрямки.
В свете генерального светила
На село гляжу из-под руки,
Как когда-то Шилин Шумилов,
По перу собратья, земляки.
Их уж нет (увы, никто не вечный),
В свой черед за ними я иду...
Снег хрустит. Шагает парень встречный
И мурлычет песню на ходу.
И снегирь по белой ветке скачет,
Красногрудый зимний соловей.
Жизнь идет вокруг, а это значит
Был бы грех не радоваться ей...
Где «мотор заклинит» мой, не знаю:
На кровати, в поле иль в лесу -
Все равно. Любовь к родному краю
Я с собой в могилу унесу.

Застукал меня за стихами
Рассвет,
И век досаждает намеками
Разными:
Нервишки, мол, гроишь,
А проку-то нет,
Не мешкай, оставь
Это дело заразное.

Небось, на него соблазнил
Сатана.
Он мастер на шуточки
Подобного рода.
Одна ль от пиитов сбежала
Жена
Молчком да с плевком,
Не дождавшись развода?

Так что образумься,
В конце-то концов.
Совсем из ума-то не выжил,
Похоже.
Припомним, как кончили
Коля Рубцов

Да лирик рязанский
Есенин Сережа.

... Застукал меня за стихами
Рассвет,
Прохладно. Окно, запотевшее
Плачет...
Давно-предавно не курил
Сигарет.
А тут раздурачился!
Что ж это значит?..

ОТВЕЧАТЬ ПРИДЕТСЯ

Гул машин, поездов и трамваев.
Мир мазутом и гарью пропах
В дефиците вода питьевая,
А гнилая стоит в погребах.
Мы по жизни идем, как по шпалам,
Мы вперед только пялим глаза...
Расцветают весенние палы,
И чернеют березы в слезах.

В бывших дебрях тайги - редколесье.
Кто виновен? Виновников нет.
И озоновый слой поднебесья
Издрыжили пики ракет.

Есть ли алчности нашей границы?
Мы не знаем подобных границ.
О зверях да исчезнувших птицах
В Красной книге все больше страниц.

Знамя жизни - зеленое знамя:
Травы, лес, отраженный в воде...
За природу, убитую нами,
Мы ответим на Страшном суде.

ГРАНИ ХЛЕБНОГО КОЛОСА

1
Хочу постичь значение слова «колос».
Что он кормилец - истина для всех,
Но с ним незримой нитью связан космос.
Не потому ль колосья смотрят вверх?

Совсем не ради праздного застолья
Преподнесен был пышный каравай
Звездoproходцу Герману Титову,
Когда он к нам приехал на Алтай.

2
Осень пишет цветной акварелью
Золотисто-багряный этюд.
Не звучат соловьиные трели,
Лишь моторы в просторах поют.

Весь пропитанный запахом хлеба,
Сжал комбайнер баранку руля.
В звездах бункер, как звездное небо,
У степного его корабля.

Эти звезды из прочного сплава.
В них слились и упорство, и труд.
Их у нас хлеборобскою славой
Справедливо в народе зовут.

Гулom полнятся хлебные трассы,
По ночам расступается тьма.
То шоферы - алтайские асы -
Хлеб Отчизны везут в закрома.

3
Элеватор, друг целинный,
Слитый, словно из брони,
Смотрит вдаль в степи былинной,
Чем-то воину сродни.

Башни круглы, как патроны,
Но не порох в них зажат,
Не картавые вороны -
Рядом голуби кружат.

Ни винтовки и ни каски,
Но незримый недруг наш
На таких глядит с опаской,
Если полон патронташ.

4
Будет хлеб - будет все.
Будет ночью светло.
Хлеб - мерило величия,
первооснова.

Будут свадьбы, пиры, если
будет село,
Если труд не объявят
ругательным словом.

А пока, а пока...
Холод студит виски:
Все, что было святое,
в молчанку поправи.
Из Герба своего
сперли все колоски
Да кормильцев-селян
заодно обобрали.

Никакие орлы не спасут
от беды,
Если Кремль не услышит
разумного голоса:
Злакначало берет

с полевой борозды,
А могущество Русь -
с полнового колоса.

Покуда радуется пороша,
Младенца лепет,
Звон ручья,
Давайте думать
О хорошем,
Мои коллеги
И друзья.

Давайте думать
О прекрасном
И в меру сил
Творить его.
Ежеминутно,
Ежечасно -
В том смысле,
И жизни торжество.

Чтоб покутить
На нашей тризне
Ничья не мыслила
Орда,
Давайте думать
Об отчизне
Сегодня, завтра и всегда!

ЗВУЧАНИЕ ТИШИНЫ

Звучанье тишины,
Бессонниц вереница,
И в комнате, как сны,
Плывут покойных лица.

Вот папино лицо,
Вслед мамино проходит.
Вот скрипнуло крыльцо,
И старший брат заходит.

И ветхий пол скрипит,
Зашевелилось кресло,
И самовар сопит -
Все мертвое воскресло.

Ты примешься ворчать,
Галиматью, мол, пишешь:
«Как может тишь звучать?»
А поживешь - услышишь...

ОТРАЖЕНИЕ

Нет повести печальнее на свете,
Когда поэт работает в газете.
Пародия
Тридцать пять годков труда в газете

Отражает зеркало судьбы.
В первый день редактор мой заметил:
«Молод. Зачисляю в литрабы».

Это литсотрудник означало,
Пояснил он, чтобы не гадать.
Впрочем, расхождений было мало.
Шеф прямолинеен был, видать.

Мы мотались по полям и фермам
По указкам шефа и РК.
На клубок наматывали нервы,
Чтобы вышла дельная строка.

А бюро? А драчки на летучках?!
Критики сплеча рубили там.
Сколько раз забросить авторучку
Порывался я ко всем чертям!

Про рекорд доярки иль коровы -
Свездил, значит, выдай норму строк.
Ответсек! Мария Комарова
Хлебгазетный требовала в срок.

«Позабыл про лес, реку и пляжи
И про родословную свою,
Я строчил статьи и репортажи,
Очерки, заметки, интервью.

И при всем газетном непокое,
Хоть и не причастен я к грехам,
(Надо ж, наказание такое!)
Приобщил Господь меня к стихам.

Эта страсть гнала меня из дома.
Я седлал Пегаса - и вперед!
А в башке - то ль сено, то ль солома,
То ль навоз? Сам черт не разберет!

И в груди болезненно щемило,
В миг, когда сжигал творенья я.
Но твердил наставник мой Шумилов:
Есть во всем поэзия своя...

Я, стремясь душой переродиться,
Стал во всем поэзию искать,
И она, сторожкая жар-птица,
Вроде, стала ближе подпускать.

Как-то за соседским огородом
Я открыл, писака молодой,
Что копна люцерны пахнет медом,
А выюнок повенчан с лебедой...

...Жизнь меня и гнула, и давила.
Раздражала всякая мура.
И, быть может, если б не Шумилов,
Мой Пегас сбежал бы со двора...